

18+

БОСС

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Life / мой мечты

ПОЛИНА РИВЕРА

Полина Ривера

Босс (не) моей мечты

<https://litres.ru/74491638>

SelfPub; 2026

Аннотация

– Вы наша новая сотрудница? Из отдела кадров или Впрочем, неважно. Подождем новое свирепое начальство вместе. Меня, кстати, Марк зовут. А вас?

– Татьяна, – бормочу хрипло, чувствуя на себе испепеляющий, плотоядный взгляд этого козла. Он меня не узнает!

– Татьяна Ларина. И новое начальство не нужно ждать, Марк Викторович. Я уже здесь.

Несколько лет назад Марк отверг меня – влюбленную в него дурочку с лишними килограммами и дурацкими косичками.

А теперь нам придется работать вместе. Мой отец выкупил контрольный пакет акций модного журнала и теперь я Его новый партнер.

История Марка Стрельбицкого из романа "Содержанка для босса".

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	10
Глава 3.	19
Глава 4.	25
Глава 5.	30
Глава 6.	35
Глава 7.	41
Глава 8.	47
Глава 9.	52
Глава 10.	58
Глава 11.	64
Глава 12.	69
Глава 13.	75
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Полина Ривера

Босс (не) моей мечты

Глава 1.

Татьяна.

Меня ему подарили. Перевязали красным бантом и запихнули в большую блестящую коробку. Два огромных мужика внесли ее в квартиру одного из самых завидных женихов страны. Их шаги стихли. А потом и звук двигателя лимузина, взятого напрокат, иссяк, возвращая тишину.

– Ну ничего себе! – лениво протянул хозяин квартиры, распахивая коробку. – Кто это у нас тут?

Его аккуратные длинные пальцы сжимали хрустальную ножку бокала с шампанским, а вздыбленный член натягивал ткань белого банного полотенца, висящего на бедрах.

Я неуверенно встала. Стыдливо отвела взгляд, взмахнула ладонями, прикрывая груди, а потом попыталась снять с себя дурацкий бант...

– Ну, ну... Я сам. Ты же мой подарок, крошка? Сколько тебе лет? – игриво спросил Марк, подойдя ближе.

– Д-девятнадцать.

– Зашитая?

– Что? Я...

– Ладно, неважно. Я сниму с тебя это.

Он неторопливо подошел к барной стойке и взял нож. Вернулся ко мне и резким движением срезал бант. Вытащил меня из коробки и усмехаясь протянул:

– Не знал, что в эскорт-агентства берут таких... полненьких. Ну... ладно.

Че-ерт... Почему я думаю об этом сейчас? Гоняю в голове то, о чем давно пора забыть. Думаю об этом мерзавце все утро... Сидя в СВОЕМ конференц-зале, между прочим... На своем месте, за своим, роскошным розово-белым столом... Здесь теперь все мое. И мудак пока не знает об этом...

Интересно, как Марк Стрельбицкий – по-прежнему, один из самых завидных женихов страны, отнесется к этому? Узнает ли ту, кого пренебрежительно назвал полненькой? Ту, кого лишил невинности и наградил дочерью? Вряд ли... Я очень изменилась. Похудела, осветлила волосы и обросла непробиваемым цинизмом. Учителя были хорошие.

В коридоре слышатся шаги. Еще слишком рано, поэтому сюда может прийти только... он...

– Привет! Вы наша новая сотрудница? – широко улыбается Марк, расстегивая пуговицу жемчужно-белого пиджака.

– Как вас зовут?

Не хочу на него смотреть... Не. Хочу. На. Него. Смотреть. Зачем тогда согласилась на предложение папы? Как ему вообще взбрело в голову помогать Стрельбицкому-старшему?! А потом ставить меня перед фактом: «Танюшка, ты переезжаешь в Питер и будешь управлять модным журналом. Возражения не принимаются. Тебе надо о моей внучке заботиться и личную жизнь устраивать».

И как ее устраивать, скажите на милость? Я потом думать ни о ком не могла... После Марка. Сравнивала всех с ним, и это сравнение всегда оказывалось в его пользу. Не спорю, он ужасный, циничный, гадкий, избалованный... И соткан сплошь из недостатков. Но я влюбилась в него намертво. Грезила только им. Хитростью узнавала у старшего брата, где они тусят, и заявлялась без приглашения. Полненькая, маленькая, с дебильными косичками, которые так нравились моей маме, отличница-зубрилка никогда бы не смогла привлечь его внимание.

Пока однажды я не услышала разговор Пашки по телефону. У Стрельбицкого намечался день рождения, и парни решили подарить ему девочку. В смысле невинную деву неземной красоты... Я тогда выяснила все – когда она приедет и по какому адресу? Название агентства, имя красавицы... Я даже ее номер раздобыла, порывшись в Пашкином айфоне.

Поднимаю взгляд, сосредоточивая его на Марке, и отве-

чаю нарочито строго:

– Татьяна меня зовут.

Прищуриваюсь, пытаюсь угадать: узнал он меня или нет? Не узнал... Смотрит, как на незнакомку. Вокруг его янтарного цвета глаз собираются мелкие морщинки. У Ульяны моей глаза такого же цвета... Как гречишный мед или расплавленная карамель... Господи, будто этих лет и не было... Четыре года прошло, а я по-прежнему им болею. Козел... Урод... Ненавижу его... Никого еще в жизни я так не ненавидела... Убить его хочу. Уничтожить. Хочу, чтобы он умер... Страдал, как я тогда...

– Вы из отдела кадров? Не видел вас раньше.

Отчего-то Стрельбицкий напоминает мне принца Чаминга из мультика про Шрека. Самолюбование, пренебрежение и уверенность в себе – его визитная карточка. Интересно, он способен испытывать что-то человеческое?

– Я присяду поближе. Вы... такая...

– Какая? – моментально вспыхиваю.

– Интригующая. Подождем новое строгое начальство вместе, а потом... Можем сменить локацию. Как вам предложение? Что предпочитаете – ресторан или парк? Или...

– Я предпочитаю рабочее место. Меня зовут Татьяна Ларина. Я и есть ваше новое начальство, Марк Викторович.

– Да? Вы шутите?

Его губы искривляются в улыбке, а потом по залу прокатывается искренний смех удивления. Неужели, и сейчас я

выгляжу смешно? Говорила тетя Аня – няня моей дочери, чтобы я оделась на первую встречу с коллегами подобающе.

«– Танюшка, чулки надень и платье в обlipку. Туфельки на шпильке и... Помаду, помаду, детка не забудь».

А я отмахнулась... Напялила любимую белую рубашку оверсайз и такие же джинсы. Белоснежные кроссовки на платформе и дутую куртку. Ну не идиотка ли? Наверное, никто меня не воспримет всерьез? Не только этот козел...

Облизываю губы, смазанные полупрозрачным блеском, и отвечаю нарочито строго:

– Я бы на вашем месте так не веселилась, Марк Викторович. Подготовьте финансовые отчеты для изучения.

– А зачем они вам? Ларину неинтересен журнал.

– Папа оформил документы на меня. Мне он интересен.

– Послушайте, как вас там... Танюша.

– Татьяна Александровна для вас, – отрезаю, чувствуя, как внутри растет истерика.

– Вы ничего не смыслите в управлении. Издательский бизнес – тонкая вещь. Нельзя со стопроцентной точностью предугадать, какая статья выстрелит? А уж книга... Сами знаете, какое дерьмо порой продается бешеными тиражами.

– Не заговаривайте мне зубы, Марк Викторович, – обрываю его я.

В зал, наконец, входят люди. Смущенно здороваются и

занимают удобные места. Не стесняются улыбнуться или шепнуть что-то на ухо коллеге. Обсуждают меня, наверное. Одежду, уложенные в прическу под названием «творческий беспорядок» волосы.

– Все на месте, Татьяна Александровна, – игриво протягивает Марк. – Слушаем вас.

Глава 2.

Марк.

Эта странная девица с глазами на пол лица улыбается и приветствует коллег. Степка Лютаев лижет губы и смачно цокает, Лина из отдела редактирования сжимает ротик в тонкую линию, не скрывая презрения. Все смотрят на Татьяну, мать ее, Александровну, как на инопланетянку. Она и есть такая... Белая бесформенная рубашка так и норовит сползти с ее острого плечика, на лице – почти полное отсутствие косметики. Разве что губы блестят, а на щеках играет здоровый румянец. Танюша кладет ногу на ногу. Боже, ну Таня... Как ты могла явиться сюда в кроссовках? Да, они дорожные и брендовые, но у нас так не ходят. Линка вон скривилась, украдкой посматривая на свои лаковые туфельки на десятисантиметровой шпильке, а Лида из отдела кадров наклонилась к сидящему справа от нее Коле Говорову. Наша Танечка пришлась не ко двору, да... Скоро я от нее избавлюсь. Да мне и не придется сильно стараться – она не выдержит сама. Сбежит в наш городок или где она там... обитает.

Глаза... Губы – подвижные и мягкие... Снова глаза... Огромные, серые с оттенком стали. Кажется, я где-то их видел. И тот же взгляд, как у олененка Бэмби. Или оленихи во

время родов.

– Я очень люблю литературу. Преклоняюсь перед русским языком. Без него остальные знания бессмысленны. И я...

– А где вы учились? – звучит с задних рядов.

– Я окончила высшую школу бизнеса МГУ, факультет менеджмента. Стажировалась в Стэнфорде. Владею двумя иностранными языками, свободно читаю на английском. У меня очень много планов по работе с иностранными литературными агентами.

– Что же, вы планируете издавать книги? А как же журнал?

– Мы можем попробовать. Проигрывает тот, кто ничего не делает. Тот, кто делает и ошибается – получает опыт.

Глаза... Голубые, чистые... Она ведь верит, что с нашим коллективом ей что-то светит. Глаза, блядь, глаза... Вспомнил! Что-то такое я уже видел. Почему я вспомнил об этом сейчас?

Парни решили порадовать меня особым подарком в день рождения – девочкой. Девственницей. Уж не знаю, где они ее откопали, но в мою квартиру приехало... чудо. Полненькая, с аппетитными формами барышня с глазами пресловутого олененка Бэмби.

Ладонь обжигала ледяная бутылка шампанского, а возбуждение пенило кровь. Я только прилетел из командировки и ничего, кроме голода и усталости не испытывал. Успел

только вымыться и натянуть на бедра полотенце. Хотелось трахаться до зубовного скрежета, а тут она... Испуганная, с дрожащим подбородком и огромными, светлыми, как у нашей Танюши глазами...

– Я сам сниму с тебя бант. Ты же мой подарок.

Любая прожженная шлюха могла сыграть все – изобразить скромный взгляд, напустить на лицо маску томной задумчивости, но такое искреннее смущение, какое выражала незнакомка-Бэмби, невозможно было подделать. Ее кожа вспыхнула от моего взгляда, а от касания пальцев покрылась мурашками. Ей хотелось ежиться и обнимать себя за плечи. Выйти на воздух, чтобы надышаться им сполна, до разноцветных кругов под глазами. Она боялась. Натурально и честно.

– Как тебя зовут?

– Маша.

– Боишься? Неужели, правда, не зашитая?

– Нет, ваши друзья заплатили за настоящую девственность. Так что... Принимайте подарок.

Легко сказать. Я не понимал, как ее растормошить. Маша стояла посередине комнаты и прикрывала ладонями полные груди с крупными коричневыми сосками.

– Выпьешь?

– Пожалуй, да.

– Что же ты, Маша, умеешь? Вас там учат? Ну... Перед тем, как поехать к мужчине. Мне всегда было интересно.

– Учат, да.

– Постой, дай угадаю. Деньги брать вперед, так? Мало ли какой попадется клиент. Всегда пользоваться резинками.

– В точку, – широко улыбнулась она.

Полненькая, но не это ее не портило, скорее, наоборот. Маша расслабилась от нашей милой беседы и опустила руки, открывая взору груди. У меня встал, как по команде. Полотенце на бедрах натянулось, как палатка, привлекая внимание Марии. Ее глаза испуганно распахнулись, ресницы затрепетали.

Я забрал бокал из ее рук и провел ладонями по грудям. Слегка их сжал, словно взвешивая. Упругие, налитые, залипательные до чертиков. Маша часто дышала и прятала взгляд, позволяя мне себя трогать. Потом неловко вскинула ладони и погладила меня по плечам. Подалась вперед и поцеловала. Обычно я не целуюсь со шлюхами, но тут... Я же вроде как первый у нее. Толкнулся в нежный ротик языком, поймал частое дыхание, не переставая ласкать ее соски. Под моими пальцами они вытянулись и затвердели.

Мы целовались, как ненормальные. До звона в ушах и радужных кругов перед глазами. Маша оторвалась первой. Хватала воздух ртом, пытаясь восстановить дыхание.

– Целовалась раньше? Или... Наверное, глупый вопрос.

– Нет, у меня сегодня все впервые.

– Хочешь меня? – спросил ее хриплым шепотом. – Можешь не отвечать, все равно ведь...

– Да, я вас хочу.

Я скользнул ладонью к развилке между ее ног. Пальцы мгновенно оросились вязкой влагой. Она текла, блядь... По-настоящему, честно. Наверное, хотела кончить. Я не стал спрашивать. Слегка подтолкнул девчонку к разложенному дивану и навис сверху. Она послушно развела ножки в стороны и обняла меня за плечи. Боялась. Часто дышала. Смотрела своими оленьими глазками, и от этого взгляда хотелось отвернуться...

Я мог бы наплевать на ее чувства, но тогда я ее пожалел... Хотелось, чтобы Мария запомнила свой первый раз. Нет, не так... Меня пьянила мысль, что я стану первым, с кем она кончит. Все, что я тогда делал – делал для себя. Я устроился на коленях между ее ног и коснулся пальцами промежности. Маша застонала. Вскинула бедра навстречу моей ласке и закусилась нижней губу.

По спине градом лился пот, пока я ее ласкал. Растирал влагу по крохотному узелку, выписывал круги, входил в нее пальцем... Тугая, упругая и до ужаса наивная. Завтра ее будет трахать какой-то похотливый хрыч. Вбиваться на всю длину, заботясь только о своем удовольствии. Правильно, он же заплатил? А она вещь – бесправная, безвольная.

– Потрогай свои груди, – приказал я.

– Как? Разве...

– Сожми соски и слегка их вытяни. Делай, что говорят.

Она была почти без чувств. С трудом вывозила обрушив-

шуюся на нее лавину эмоций. Трогала себя и поднимала бедра, улавливая нужный ритм. Всхлипывала, стонала, часто дышала... Когда я думал, что меня скорее хватит удар, чем она кончит, это, наконец, случилось... Маша замерла, а потом закричала. Я крепко сжал ее бедра и резко вошел. Сцеловал сдавленный стон и толкнулся на всю длину, пытаюсь ухватить ускользающие сокращения. Узкая, влажная, податливая... Маша целовала меня с ответной нежностью, мычала от боли, а потом блаженно выдохнула, когда я вернул доставленное ей удовольствие... Скатился с девчонки, улыбаясь, как дурак... А она прошептала в темноту:

– Спасибо.

– Думаю, о моих ближайших планах я расскажу позже. Все равно мы не сможем охватить все за одну встречу, – голос Татьяны, мать ее, Александровны вырывает меня из омута приятных мыслей.

Танюша касается челки, отчего ткань ее рубашки натягивается. Черт, Татьяна, ну ты даешь... Явилась сюда без лифчика. Я ловлю ее взгляд и демонстративно опускаю его ниже, на ее грудь. Под ткань рубашки проступают соски. Таня краснеет. Нет, не так – багровеет. Раскрывает нежные, блестящие губы и порывисто их лижет. А у меня встает, как у юнца. Приходится прикрыть пах папкой. Может, трахнуть ее? Скомпрометировать, а потом выставить ее поведение на всеобщее обсуждение? С меня-то как с гуся вода.

– До свидания, коллеги. Приходите в мой кабинет с любыми вопросами.

Ребята шумно задвигают стулья и покидают зал для переговоров. Демонстративно кривятся, делая вид, что не услышали приглашения Татьяны.

– Вы тоже можете идти, Марк Викторович, – не глядя на меня, произносит она.

Собирает в большую кожаную сумку какие-то папки, заправляет волосы за ухо.

– Татьяна Александровна, это так в Стэнфорде ходят?

– Как?

– Без лифчика.

– А вам какое дело?

– Просто... Не хотите вечером погулять по Питеру? Вы давно в моем городе?

– Я без лифчика, потому что могу себе это позволить. У меня небольшая грудь, ее можно не поддерживать. Еще вопросы будут?

– Да. Какую кухню предпочитаете?

– Русскую, украинскую, кое-что из итальянской.

– Приглашаю вас на ужин. Ресторан на Васильевском острове. Я буду ждать.

– А что потом, Марк Викторович? – хмурится эта олениха и мегера в одном лице. Ледяная королева, мать ее...

– Погуляем по Невскому проспекту. Сегодня неплохая погода. Обычно осенью сыро и туманно, а сегодня... Возмож-

но, нам посчастливилось увидеть звезды.

– Отличная идея, – улыбается она. – У вас есть мой номер телефона? Давайте обменяемся. Погуляем по Невскому, поужинаем. Вы введете меня в курс дела.

Да, ввести я могу... Правда, кое-что другое, то, от чего женщины без ума. И Татьяночка Александровна не устоит. А потом я ее свергну отсюда нахер. Это мой журнал. Мой город. Бизнес моего отца. И я не позволю какой-то выскочке с ледяными глазами лезть сюда.

– Продиктуйте номер, я запишу. Всегда мечтал о такой начальнице, как вы.

– Вы равноценный партнер, так что... Не скромничайте. Если у вас есть идеи, как возродить журнал, готова принять их к сведению, – улыбается мегера, обнажая ряд ровных белых зубов.

Возрождать? Вот это она загнула... Неужели, мы правда оказались в такой жопе, что отцу пришлось кланяться перед Лариным? Долгов у журнала нет, тиражи раскупаются, как горячие пирожки. Тогда зачем? Неужели, нововведения стоят того, чтобы пускать сюда чужих? На правах директора, партнёра, как Танюша выразилась?

Сглатываю поток нецензурной брани, который хочу вывалить на Таню, и мило улыбаюсь. Милый пушистый мальчик, комнатная собачонка... Надо прикинуться хорошеньким, чтобы влезть ей под кожу. И в трусики...

На расстоянии чувствую, как она волнуется. И вижу, как

снова твердеют соски под тканью рубашки... Проницательности мне не отнимать – я ее привлекаю... Мне же проще – добиться ее ухода будет не такой уж сложной задачей...

Глава 3.

Татьяна.

Неужели, этот напыщенный индюк всерьез решил, что я пойду с ним в ресторан? Идея поставить Стрельбицкого на место приходит внезапно. Обрушивается, как снежная лавина во время таяния снега в горах. Я послушно даю ему свой номер телефона, глуповато улыбаюсь и... убеждаю Марка, что свидание состоится.

И все время отворачиваюсь... Не могу на него смотреть... Не. Могу. Светло-карие глаза так и манят окунуться в их бездну. Растаять, растечься лужицей, как и тогда...

Почему я столько времени им болею? Не могу выбросить из головы этого мужчину, как ни стараюсь. Я ведь пыталась. Ходила на свидания, целовалась через силу, но до постели дело не доходило. Я просто не могла переступить запретную черту. Не могла коснуться чужого тела, понимаете? А с Марком...

Я притворилась Машей. И единственное, к чему я была готова – грубость и боль. Я ведь шлюха, проститутка, с которой можно не церемониться, так? Но Марк, к моему удивлению, был деликатен. Смотрел на меня, как на спустившееся

с небес чудо. Ласкал. Трогал, целовал губы, мямлил груди. Тогда они у меня были значительно больше. Сейчас совсем другие – после похудения и грудного кормления Ули. Но Марк все равно заметил, что я без лифчика. Значит, я его привлекаю. Он рассматривал меня, как и все присутствующие. Осуждал, презирал, не знаю...

Мысли вновь уплывают в прошлое. Они всегда возвращаются в его квартиру, когда мне грустно или плохо... Когда я вижу его фотографии в обнимку с какой-нибудь знойной красавицей. Или заголовки журналов с вопросами: когда красавчика окольцуют? Действительно, когда? Когда это случится, я и перестану им болеть. Но это неточно...

Может, признаться во всем? Показать ему дочку, открыть завесу страшной тайны? Даже мои родители не знают, от кого Ульяна. Сколько они меня ни пытались, так я и не призналась, чья она? Не смогла прийти к Марку и потребовать помощи. Наши отношения ведь были с самой первой минуты обманом. Тогда, зачем? Он не простил бы, да и правда не добавила ему любви к дочке.

Голова кружится, когда я торопливо иду по коридору в кабинет. Скорее закрыться от всех... От него... Спрятаться за дверями и не думать о той ночи.

Я сбилась со счета, сколько раз я тогда кончила... Стрельбицкому доставляло удовольствие наблюдать за послушной

игрушкой, подаренной друзьями. И ему, несомненно нравилось, что он был у меня первым. Он поверил мне. А как было не поверить? Я едва дышала, не в силах справиться с чувствами. Хотела его трогать, целовать... Я воровала его у вечности. Незаконно, не по праву касалась и была с ним. Наверное, он видел в моих глазах обожание, не иначе... Я и не могла смотреть по-другому...

– Ты странная, Маша... – шептал Марк, нависая надо мной. – Как не от мира сего. И смотришь так... Если так будешь на всех клиентов смотреть, станешь миллионершей.

– Как? – сипела я.

– Словно любишь меня.

– А я тебя люблю.

– Это лишнее, поверь. Любовь за деньги не продается. Я ведь купил тебя, вернее мои друзья. Мой тебе совет – взгляд сделай своей профессиональной фишкой, а слова... Такие слова хранят лишь для одного человека.

Низ живота ныл, а между ног саднило, но Марк хотел продолжать. Мои услуги ведь оплатили до утра, так что... Мария должна отработать полученные деньги по полной. Я нависла над ним сверху. Провела ладонями по груди, путаясь в мягкой поросли волос, очертила выступающие мышцы ноготками, коснулась твердого, мускулистого живота. Скользнула ладонью ниже и обхватила напряженный ствол. Я тогда не знала, какие бывают, но у Стрельбицкого он был... огромный.

– Хочешь потрогать? – хрипло спросил он.

– Да. Если можно.

Марк засмеялся. Раскинул руки на подушки и слегка подтолкнул бедра навстречу моему лицу.

Я неуверенно лизнула бархатную головку. Обвела языком контур, услышав его утробный стон, пронзивший тишину. Обхватила член губами и втянула его в рот. Я не знала, что нужно делать... Приперлась к мужчине, не изучив предварительно матчасть. На что я рассчитывала? Однако, Марка мое неумение только возбуждало. Он толкался бедрами, деликатно меня направляя, рычал сквозь зубы, часто дышал и что-то постоянно говорил. Приятное, ободряющее... Голова кружилась, а воздух стремительно густел, превращаясь в кисель... Мне нравилось видеть его удовольствие. Нравилось делать это...

– Иди сюда, Маш.

Он был уже на грани, но нашел в себе силы притянуть меня к себе. Марк выдавил на ладонь лубрикант и торопливо растер его по моим набухшим складкам. Этого не требовалось – я была мокрой, как мартовская кошка...

– А ты быстро учишься, Мари. Понравилось? – с этими словами он насадил меня на себя.

– Д-да... Я...

– Не вздумай оправдываться.

Собственное возбуждение в сочетании со смазкой снизили боль до минимума. Я ее почти не чувствовала. Раскачива-

лась на Марке, подавалась вперед, навстречу его ласкающим рукам. Он сжимал мои соски, украдкой поднимался, чтобы втянуть их в рот, мямлил бедра. Пот лился по моей спине градом, в глазах темнело. Я не могла дышать – хватала воздух, как брошенная на берег рыба, чувствовала только ревуший в ушах пульс. А потом тело замерло, принимая удовольствие. Оно взорвалось внутри, как салют. Растеклось по венам, как сладкий яд. Я кричала, прыгала на нем, как сумасшедшая, бормотала что-то...

Тогда и получилась наша дочь. Марк кончил глубоко во мне. И только потом заметил, что забыл о резинке...

– Татьяна Александровна, вы тут?

Вздрагиваю от голоса помощницы. Иванну я взяла с собой. Предусмотрела, что без своего человека на новом месте не обойтись.

– Д-да, Ива. Я просто... Разволновалась.

– У вас давление, по-моему, поднялось. Посмотрите, какие щеки красные. Довели вас эти монстры?

– Ладно, проехали. Что у тебя?

– Я не стала приглашать коллектив в ресторан, как вы и велели. Объявила о сборе в приказном порядке. Мол, такой-то ресторан, в такое-то время. Всем быть обязательно. Познакомимся, пообщаемся, узнаем друг друга получше.

Ива – девушка потрясающей красоты. Длинные темно-каштановые волосы струятся до пояса, большие карие

глаза не смотрят, они словно душу из тебя вынимают... Но при всех своих качествах, Ива до сих пор одна.

– И что они сказали? Согласились?

– Да, все до единого. Даже эта... мымра в красных шпильках.

– Главное, не приглашать Марка. И сделать так, чтобы он не узнал. Вечером у нас свидание. И оно не состоится.

– Вас надо нарядить, Таня. Поедем в бутик? Ну не в кроссовках же вам идти.

– Кстати, да. У меня ничего нет, ни платья, ни приличных туфель.

Глава 4.

Марк.

Танюше здесь определенно понравится. Мягкий приглушенный свет струится по залу, как и ароматы вкусной еды. Звон посуды и мерные, неторопливые шаги вышколенных официантов убаюкивают. Или наводят на мысль о бренности бытия. Правильно, спешить некуда. Она опаздывает все-то на двадцать минут... Все женщины такие – хотят показаться лучше, чем есть на самом деле, без конца припудриваются и дуют губы, чтобы те казались сексуальнее... Еще минута, и она войдет...

Правда, Татьяна не удосужилась прочитать мое последнее сообщение.

Соблаговолила ответить лишь на первое – с указанием времени и названия ресторана.

Она не затруднила себя расспросами или благодарностями, ответила коротко: «Ок».

А, может, она задержалась в салоне? Маникюр, педикюр, эпиляция... Что там они еще делают? Таня – неглупая девочка – понимает, чем наше свидание закончится... И хочет быть во всеоружии. Не грех и простить такое рвение мне понравиться...

– Желаете еще вина?

Шаги официанта выводят меня из задумчивости. И голос его – низкий, шершавый, как галька окончательно пробуждает.

– Да, еще бокал, пожалуйста.

Ничего страшного, мы поедем ко мне на такси. Будем целоваться в машине. Возможно, я уже там залезу ей в трусики. Я чертовски голоден. Желудок предательски урчит, ментально впитывая вино. Я пьянею – от волнения, подозрений, случайно закравшихся в голову, злости. Проходит час моего бесплодного ожидания. Я все-таки звоню ей, а в ответ слушаю длинные гудки...

– Желаете сделать заказ?

Он снова появляется из ниоткуда. Понимаю, ресторан дорогой, здесь не принято сидеть просто так.

– Нет, счет принесите.

Она меня кинула. Утерла нос, как зеленому юнцу. Ну что же, Танюша, ты еще не знаешь, с кем связалась.

Надеваю пальто. Спешно застегиваю пуговицы, словно смахивая сонное настроение пафосного места. Чем я успел ее обидеть? Тем, что мешаю завладеть журналом целиком? Путаюсь под ногами, не давая внедрить глупые идеи?

В кармане звонит телефон. Лютаев, собственной персоной. Этому-то, что от меня надо?

– Да, Степан, слушаю, – с нескрываемым раздражением отвечаю я.

В динамике орет музыка, да и голос Степана наводит на мысли о его изрядном подпитии.

– Все здесь, Марк Викторыч, а вас, почему нет?

– Где это здесь, объясни внятно.

– Так Татьяна Александровна собрала коллектив в ресторане. Простите, а вас разве... А вы...

– Адрес мне! Быстро!

Так-так, Танюша. Ты умнее, чем кажешься. Таня выбрала ресторан на Невском проспекте, недалеко от офиса редакции. Приличный, но... Сегодня она могла бы ужинать в лучшем.

Расплачиваюсь с водителем такси наличными и шумно выдыхаю. Надо успокоиться. Она обычная капризная кукла. Хотя нет – Танюша капризнее других, ей по статусу положено такой быть.

Она стоит в дальнем углу большого зала. Черное платье на бретельках мягко струится по ее фигурке. Скольжу взглядом ниже, к острым коленкам, голням, тонким щиколоткам... Таня в туфлях на шпильке. Ну надо же... Она гораздо умнее и сексуальнее, чем я представлял.

– О, Марк Викторыч, решили поехать?

Степка лезет ко мне с объятиями, но я решительно пресекаю его порыв. На ходу снимаю пальто и пробираюсь сквозь танцующую толпу к Татьяне. Она разговаривает с Иванной

– своей помощницей и правой рукой. Замечает мое появление, лишь тогда я подхожу почти вплотную.

– А... Марк Викторович, я забыла вам сказать, простите. Из головы вылетело совсем, замоталась.

У нее нарочито легкомысленный тон голоса. Макияж, подчеркивающий огромные глаза, темно-красный маникюр. Ну хоть в этом я не ошибся — Татьяна была в салоне.

– Вы забыли пригласить на пьянку меня, Татьяна Александровна? Вашего партнера и коллегу? Может, скажете, чем я пришелся не ко двору?

– Я просто забыла, извините. Не думала, что вам будет это интересно. Я хотела сблизиться с коллегами, и только.

– Сблизились? По-моему, вы стоите здесь все время, пока они пляшут. Идемте, Таня, там медляк!

– Идите, Танечка Александровна. Ну чего вы, правда, стесняетесь? – мечет Ива. – Марк Викторович, я подержу ваше пальто. Идите...

Таня не успевает возразить – я притягиваю ее к груди и тяну в полумрак танцпола. Чувствую, как взволнованно поднимается ее грудная клетка, а поверхностное, горячее дыхание щекочет шею. Какая она худенькая... И ароматная. И снова, блядь, без лифчика... Мои пальцы касаются выступающих позвонков, ползут ниже и нагло сжимают ягодицу.

– Вы с ума сошли, Марк Викторович! Что вы себе позволяете?

– Поедем ко мне. Хватит уже ломаться. Я же вижу, что ты меня хочешь.

Глаза. Глаза, глаза... Черт, меня по ходу размазывает от ее взгляда. Блестящего, почти черного от зрачков, затопивших радужку. Кто-то тащится по сиськам, а я вот... С недавнего времени по испуганным оленьим глазам.

– Вы ошибаетесь. У меня вообще... У меня есть любимый человек, – неуверенно произносит Таня.

– А это тогда что?

Я сжимаю ее сосок поверх платья. Перекаत्याю его между большим и указательным пальцем, высекая из груди Тани всхлип. Он твердый как камень. Маленькая дрянь меня хочет.

– Мерзавец! Отвали от меня! – вскрикивает Татьяна. Нервно дергает бретельку и опускает взгляд в пол.

На щеку обрушивается маленькая женская ручка. Я хватаю Таню за ладонь и тяну к гардеробу... Слышу, как ревет в ушах пульс, а ее каблучки стучат по мраморному полу.

Глава 5.

Марк.

Подхватываю Татьяну под ягодицы и сажаю на подоконник в дальнем углу коридора. Не обращаю внимания на ее вялое сопротивление – целую нежную горячую шею, пробегаюсь пальцами по выступающим ребрам.

– Поедем ко мне...

Глажу ее, лапаю, запоздало понимая, что она до невозможности напряжена. Поднимаю затуманенный взгляд, встречаясь с ее взглядом – испуганным, потемневшим...

Таня забивается в угол. Дрожит как осиновый лист. Из ее груди вырывается тяжелое дыхание, губы белеют. Бля-ядь... Неужели, я так ее напугал? Или Танька думает, я стану брать ее силой? Почему мне казалось, что эта игра ей тоже нравится?

Она вскидывает слабые ладони к груди, словно закрываясь... Ну же, Танюша, отомри уже.

– Тань, что с тобой?

– Я...

Задыхается. Втягивает горячий плотный воздух через напряженные ноздри. Дрожит.

– Смотри на меня. Дыши глубже. Тань, я не собирался

насиловать тебя, слышишь...

– Я...

Дышит, дышит... Не может и слова вымолвить, но взгляда не отводит. Успокаивается, ободренная моим поведением. Да я бы никогда... Черт, что же с ней случилось? Может, ее насиловали? Я ведь ничего о Татьяне Александровне не знаю... Ничегошеньки. Кроме того, что меня к ней безудержно тянет с первой минуты...

– Все, все, успокойся. Все хорошо. Дыши... Вот так. Что с тобой случилось? – осторожно спрашиваю, поглаживая ее по плечам.

– Я просто не привыкла к такому... хм... обращению, – хмыкает она.

– Не ври мне, Бэмби. На тебя нападали или...

– Почему Бэмби? – Таня мастерски уводит тему.

– Ты не ответила на мой вопрос.

– Не твое дело, Стрельбицкий. Я... Я хочу домой.

Она скукоживается и потирает озябшие плечи. Из оконных щелей рвется прохладный питерский воздух, а серп молодого месяца любопытно заглядывает в окно.

– Где твоя одежда? Я отвезу тебя.

– Ты выпил!

– На такси отвезу. Таня, какие мужчины были в твоём окружении, не понимаю...

– Получше тебя, Стрельбицкий. Таких хамов уж точно не было, – дует губы Танюша.

– Иди к выходу, чтобы не привлекать излишнего внимания. Уйдем по-английски. Все равно здесь всем... не до нас. Я скоро подойду.

Забираю у Иванны нашу верхнюю одежду и вызываю такси. Черт, я ведь придумал другой сценарий нашего вечера, а вышло все так, как вышло. Легко сжимаю ладонь Тани, помогая ей устроиться на заднем сидении такси.

– Я могу сесть с тобой?

– Нет, пожалуйста, – испуганно выпаливает она. – Садись вперед. И... спасибо тебе.

Дурацкая ситуация... Идиотская. Скажи кому – не поверят. Не помню такого в моей практике. Обычно девицы сами лезли в мои трусы, предвосхищая мою инициативу.

Украдкой смотрю на Таню в зеркало заднего вида. Что с ней произошло? И что ее так оттолкнуло, испугало? Может, оставить идею затащить ее в постель? Ну ее, к черту!

Сплю плохо. Все время гоняю в голове мысли о ней, понимая, что меня не отпускает идея проникнуть в ее аккуратную головку, влезть под кожу, в нее... Мне просто нужно с ней переспать, и все пройдет. Всегда проходило. Я не мог встречаться с девушками дольше нескольких недель. Меня начинало все бесить раньше, чем они придумывали сценарий нашей свадьбы.

Утром мне звонит управляющий оленьей фермы. Да, я

вложилась в это предприятие, помогая Федорычу вылезти из долгов. Не смог отказать старому другу. По коридорам стучат каблуки сотрудниц, в залах царит типичная для утра рабочая атмосфера, а в мою голову закрадывается безумная идея...

– Татьяна Александровна! – влетаю в ее кабинет без стука.

Таня нервно поправляет непослушную прядь и хмурится. Сегодня на ней объемный короткий свитер цвета фуксии и брюки с высокой талией.

– Вот это нужно отредактировать, – важно произносит она, возвращая документы Лине. Та презрительно фыркает и оставляет нас одних. Не помню, чтобы тексты Лины нуждались в редактировании. Она, безусловно, язва, но пишет хорошо... И ее статьи всегда получают высокий рейтинг.

– Слушаю вас, Марк Викторович. И доброе утро, – сонно протягивает Таня. Поднимается с места и подходит к каталожному шкафу. Перебирает пальчиками папки, делая вид, что очень занята.

– Ты в удобной обуви? – опуская взгляд на ее ботинки на рифленой подошве. – Да, подходит. Быстро одевайся, нам срочно надо уехать в одно место. Давай, Таня, не тупи.

– Куда? Зачем?

– На встречу с потенциальными клиентами. Нас ждет большой куш! Собирайся.

Таня звонит Иванне и поручает ей подменить ее на пару часов. Наивная... Думает, что мы едем к клиентам, а мы по-

едем к ее сородичам.

– И куда мы едем, Марк? И при чем тут обувь? – взволнованно произносит она, когда я съезжаю с трассы к проселочной дороге.

– Спокуха, Танюша. Еще одной панической атаки я не переживу.

– Да не было у меня ее! Я просто испугалась. Опешила от твоей наглости и... грубости. Это... Это что, оленья ферма?! Ты серьезно? Зачем?

Танька прищуривается, разглядывая внушительные каменные ворота на въезде, указатели, аккуратные ряды построек, где живут олени.

– Какая прелесть. Надо привезти сюда... хм... неважно.

– Кого привезти, Тань?

– Иву, она обожает оленей, – тушуетя Таня. – Так зачем ты меня сюда привез?

– Здравствуйте, Марк Викторович! – кричат девчонки-администраторы и бегут навстречу. – Давно вас не было. И Сергей Федорыч как раз приболел. Хорошо, что вы приехали. Игорёк рад будет вас видеть.

– И-игорёк? – непонимающе переспрашивает Таня. Кивает девчонкам, любопытно оглядывающим ее.

– Да, это мой любимый олень. Это мое предприятие, Тань. Не полностью, я совладелец. Идем, проведу тебе экскурсию.

Глава 6.

Таня.

Почему я так испугалась Марка? Вела себя вчера, как дура... Знаете, как бывает? Чего-то очень ждешь, а когда оно случается, впадаешь в ступор. Странно, я ведь всегда считала себя сильной и волевой, а тут... Раскисла, как квашня...

Холодный ветер взвивал непослушные пряди, когда я торопливо бежала по тротуару к парадной. Боялась, как бы Стрельбицкому не пришла идея меня проводить... Ведь, если он увидит Ульяну... Конец. Я даже представить боюсь, что будет? Как он воспримет мою чудовищную ложь?

Сейчас-то я для него Таня? Партнер и симпатичная капризная девица, которую ему ну очень надо затащить в постель. А что потом?

Господи, я всю ночь не спала. Прижимала Улечку к груди, дышала ароматом ее волос и тихонько плакала. А наутро отмахивалась от расспросов бабули, на миг пожалев, что предпочла няне ее. Господи, во что я превратилась? Закрылась ото всех, ошетибилась, как еж... Родные ведь не виноваты ни в чем? Они как лучше хотят, переживают. А я все в штыки воспринимаю, злюсь, когда кто-то пытается разузнать об отце Ульяны, строит предположения или обещает начистить

горе-папаше морду.

Я знаю, почему молчу... Особенно сейчас, когда он ТАК на меня смотрит. Видит во мне беззаботную девушку Таню, а не обремененную заботами мать его дочери. Молчу, потому что меня к нему безудержно тянет... И я хватаюсь за момент. Держусь за него, как голодная нищенка за подол богача, идущего мимо. Цепляюсь, рвусь, карабкаюсь... Наслаждаюсь каждой минутой, отделяющей меня от реальности. Играю чью-то роль, не свою... И Марка заставляю играть.

– Удивлена? – произносит Марк, когда мы бредем по мощёной дорожке.

Холодный ноябрьский ветер забирается под одежду, жалил кожу ледяными поцелуями, словно отрезвляя. С неба срысывается морось, сухие березовые и дубовые листья. Кажется, что и тучи обрушатся на нас – настолько они низко и неторопливо плывут. Сама не замечаю, как запрокидываю голову, любуясь узорчатой кроной толстого дуба, сквозь которую светится серо-голубое, устричного цвета небо.

– Да, Танечка Александровна, здесь красиво, понимаю тебя, – улыбается Марк, не дождавшись моего ответа.

– А я что...

– Я и сам дышу здесь, как оголодавший без воды скиталец. Воздух вкусный, вода тоже... Я тебя потом в ресторане покормлю, он, кстати, полностью мой. Федорыч только хозяйством заправляет. Что хочешь посмотреть? Знаешь, что

такое олений гон?

– Только в теории, – отвечаю, натягивая шапку почти до бровей. На Марка не смотрю. – А правда, что оленям отрезают рога и рубят их, как колбаску?

– Да, олени панты – ценнейшая вещь, между прочим, – оживает Марк. – Давай я познакомлю тебя с Игорьком и Марфой, идем.

Марк непринужденно берет меня за руку и тащит к просторному участку, огороженному сеткой-рабицей.

Завидев Марка, к нам подходит олень. Высокий, молодой, с небольшими, но ветвистыми рогами.

– Игорёчек мой, иди сюда, мой хороший, – улыбается Марк, трогая лоб и рога оленя. – Таня, ты знала, что оленей нельзя гладить в морозы?

– Нет.

– Не бойся, у него теплые рога, потрогай. А вот и Марфуша пришла. Она та еще ревнивица. Если увидит, что ты проявляешь к ее партнеру повышенное внимание, может ударить.

– Ого! А почему их нельзя гладить зимой?

– Шерсть ломается. Образуются залысины, животное испытывает недомогание из-за переохлаждения.

– А гон, Марк? Ты расскажешь? – спрашиваю, ища его взгляда. – Ты столько всего знаешь... Поразительно.

– Если услышишь страшный рёв, знай – это гон. Так они гуляют. Борются за право первенства. У оленей он скоро за-

кончится, почти зима на дворе. Ты не замерзла? – хрипло спрашивает Марк, вскидывая ладонь.

– Немного, – отвечаю я, не спеша его отталкивать.

Марк снимает с моей ярко-фиолетовой пушистой шапочки сухой листик берёзы. Отбрасывает его в сторону и возвращает ладонь на мое лицо. Проводит пальцами по щеке, касается подбородка. Смотрит выжидательно, словно ждет моего разрешения.

А я ничего не могу сказать – во рту пересыхает, дыхание обрывается, а сердце стучит так сильно, что я чувствую его везде...

И кожа под его сухими пальцами вспыхивает, как сухая трава.

– Надеюсь, ты не свалишься в обморок, если я тебя поцелую? – шепчет Марк, наконец, притягивая меня к груди.

Я даже ответить не успеваю – цепляюсь за его куртку, боясь упасть... Раскрываю губы, впуская его жар. Толкаюсь языком в ответ, понимая, что все неправильно... Нечестно, сомнительно, ненадежно. Момент, чужая роль... Хотя и сладкая до ужаса.

– Танька, ну чего ты? – отрывается он от меня. – Что вчера было? Тебя кто-то обижал в прошлом.

– Нет, Марк Викторович. Я просто не хочу смешивать работу и личную жизнь. И между нами не может быть никакого романа.

Игорёк настырно тычет носом в бок Марка, требуя вни-

мания. А Марфуша подозрительно на меня смотрит.

– Прямо ва-аще? Скажи, а какое бы ты поставила условие, попроси я переспать со мной?

– Хм... Наверное, отдать мне журнал. Отказаться от своей доли, продать ее мне, – без раздумий отвечаю я.

– Отдать взамен секса? – вскидывает бровь Марк. – Слишком высокая цена, не находишь? Ты вообще можешь не волноваться, Тань – я забываю о девушках быстро. Вот вообще! Мы можем спокойно работать вместе после... хм... расставания. Даже делать вид не придется, что...

– У тебя так просто все, да? А обо мне ты подумал? Я о себе говорю, Марк. Мне будет некомфортно работать с бывшим любовником. И вообще... Давай оставим эту тему?

– Ты даже не сказала о своем молодом человеке. Забыла указать его причиной? – хитро улыбается Марк.

– Ну да, подловил. Но у нас все равно ничего не будет.

– Я не дам тебе строить свои порядки в журнале, Тань. Ты же осознаешь это? – серьезно произносит он. Поправляет пушистый воротник светло-бежевой куртки и смахивает с густой челки мелкие капли мороси.

– А я не дам управлять собой. Буду делать все, как считаю нужным, – надуваю губы. – Ну и... Само собой, не дам.

– Еще посмотрим, – шепчет Марк, мягко целуя меня в висок. – Уверен, твои трусики уже мокрые.

– Сухие, Стрельбицкий. Прости... У меня есть принципы, и я их не нарушу.

– Я обдумаю твое предложение, Тань. О продаже доли...

– Ты серьезно?

– Сказал же – обдумаю. А теперь идем обедать. У тебя руки как ледышки, а вот губы горячие.

Губы... Если бы только они. Кажется, в моих венах течет лава, настолько мне рядом с ним жарко. Марк крепко сжимает мою кисть и тянет к красивому каменному строению с вывеской «Ресторан».

Глава 7.

Марк.

И почему меня так к ней тянет? Капризуля с поджатыми губками, девица, знающая себе цену. Меня от таких всегда воротило... Ну не мое это – ухаживать, дарить подарочки, водить по кафешкам. Я всегда был слишком занятым для всего этого дерьма. Отец рано пристрастил меня к труду. В детстве мы с Лилькой ходили к нему на работу. Рисовали, сидя на краю большого деревянного стола, слушали, как папа распекает провинившегося сотрудника, а потом отсчитывали строгого Виктора Васильевича, как мальчика. Всех нам было жалко, особенно Лиле.

Я-то, наоборот, частенько представлял, как буду орать на дрожащих сотрудниц, а сестра рыдала и умоляла отца простить горе-работника. На деле же получилось по-другому – голос повышать я не умею. Как говорит сеструха – я прирожденный дипломат и экстрасенс. Проницательности мне не занимать.

Оттого, вялые отказы Танюши меня забавляют.

Она облизывает пересохшие губы, дышит так часто, что я чувствую ее дыхание кожей. Тону в голубых, как осеннее небо глазах – темных от возбуждения и... возмущения.

Танюше надо держать марку – понимаю. Она же не какая-то девица из эскорта, готовая на все за плату? Признаться честно, к таким я и привык. А к мажоркам вроде Татьяны – не очень...

То ли дело Мари... Почему, когда я смотрю на Таню, вспоминаю ее – ту случайную девчонку? Они даже похожи чем-то – формой губ, цветом глаз. Представляю, как бы Танюша скривилась, скажи я ей об этом! Ее наверняка бы вырвало на мои ботинки. Это же надо – сравнить ее со шлюхой... А я ведь искал тогда Машку. Раздобыл чертовый телефон эскорт-агентства и требовал прислать мне Мари. А мне отвечали, что никакой Марии у них не было и в помине. Представляете мою рожу в тот момент? Да, именно такая – недоуменная, с приоткрытым от удивления ртом. Кого я тогда трахал? Да еще и так сладко...

– О чем задумались, Марк Викторович? – щебечет Танюша, подперев подбородок ладонями.

Она все-таки милая... Нежная тонкая кожа с трудом удерживает ее волнение – румянится на щеках, выдавая хозяйку с головой. Ей со мной некомфортно. Стесняется, не понимает моих мотивов... То ли дело шлюхи – заплатил за услугу, и трахаешься.

– Не привык я к нормальным девушкам, Тань. Не умею ухаживать, – отвечаю честно. – Как это, вообще, делается?

– Марк, никогда не поверю, что ты обделен женским вниманием, – улыбается она, листая папку меню.

– Я занятой мужчина, Тань. Единственный формат отношений, устраивающий меня – жить на одной территории. Никаких свиданок, цветочков и киношек. Выноса мозга и прочего дерьма... Поэтому обычным девушкам я предпочитаю...

– Можешь не уточнять, – сипит она, отпивая воду из бокала. – Умно, что тут еще скажешь... И что же – никто не захотел с тобой жить?

– Все начинали раздражать раньше, чем в мою голову приходила эта мысль.

– Тогда да, тебе только со шлюхами... – многозначительно добавляет она. – И прогнать всегда можно, как дворовую псину. Когда надоест... Или как у вас, мажоров бывает? Почасовая оплата?

– Да, именно так. Почасовая. И не смей меня осуждать. А насчет псины... Я к некоторым собакам отношусь лучше, чем к людям.

– Стрельбицкий, ты самый невозможный человек на свете. Сплошное противоречие. Давай закроем эту тему, ладно?

Все вроде бы устаканивается. Мы даже пытаемся работать вместе. Я делаю вид, что ничего не произошло. Не было поцелуев, объятий, оленей с теплыми рогами... Танькиных восхищенных глаз, когда она на них смотрела. Неудобного разговора про девушек легкого поведения... Ничего не было. Но почему-то так свербит внутри, блин! И Танька упорно

изображает, что я для нее пустое место.

Командует моими сотрудниками, изучает кухню журнала изнутри, консультируется с финансистами, юристами и прочими специально обученными людьми... Вникает, вникает, принимает решения, не советуясь со мной.

А потом она совершает роковую ошибку. Сам не знаю, почему молчу, позволяя ей ошибиться? Может, тогда я смогу выгнать ее с должности? Красноречиво, с позором...

Я ловлю помощницу Тани, бегущую по коридору. Хватаю за локоть и требую объяснений.

– Татьяна Александровна хочет заключить договор с крупной китайской платформой, на которой размещаются электронные книги. Мы сделаем им рекламу, а они нам... – она замолкает, с трудом подавляя восторг. – Они нам та-акой гонорар! Татьяна сможет осуществить свою мечту – открыть редакцию художественной прозы.

Ну, Таня... Че-ерт... Вот это ты вляпалась. Ива произносит название платформы, а я с трудом удерживаю готовый вырваться обреченный стон. Она ни черта не изучила договоры с авторами, предоставляемые платформой. Правильно, ей незачем! Важно лишь бабло... Танька не подумала, какой на журнал обрушится шквал негатива от авторов. С нами многие перестанут работать – копирайтеры, писатели, издательства...

– Хорошо. Если Татьяна так решила, пускай... А где она?

– Домой пораньше ушла, у нее заболела... ой... Она при-

болела, Марк Викторович. На выходных каталась на коньках и простыла. Весь день сегодня кашляла, температура поднялась.

– Ладно, Ива. Можешь идти, – произношу таким тоном, словно мое разрешение что-то для нее значит. Глупость какая-то... Они не ставят меня ни во что – ни Таня, ни Иванна. Значит, в моих советах не нуждаются, так? В таком случае, я не стану проявлять инициативу и лезть, куда не следует.

Погруженный в мысли, возвращаюсь в кабинет. Подхожу к окну, наблюдая за неспешно падающим снегом. Он собирается на крышах домов, машин, придавливает к земле растопыренные ветви ели, растущей под окном.

Жалко ее, блин... Мы же не дети, чтобы соревноваться, кто круче? Надо бы рассказать Тане про ту платформу и отговорить принимать гонорар. Поеду к ней прямо сейчас, надо только точный адрес узнать в отделе кадров. Предупредить не буду. Мама всегда говорила: «Хочешь получить отказ – позвони». Цветы покупать не буду, конфеты тоже... Мало ли, что взбредет в Танюшину хорошенькую головку?

Раздаю поручения по телефону и снимаю с вешалки куртку. Наматываю шарф, сгребаю со стола ключи от машины, чувствуя, как в кармане вибрирует телефон.

– Пашка, ты? – искренне радуюсь звонку старого друга. И плевать, что он Танькин брат. У Пашки хватало ума не

таскать сестру на наши сходки. Вон какая фифа выросла. – Какими судьбами в Питере? Увидимся?

– Танюхе не говори, что я приехал. Я тут в некотором роде... инкогнито, – заговорщицким тоном протягивает Павел. – А если честно, хочу ей сюрприз сделать, но сам... Марк, помоги, а? Я квартиру не могу в порядок привести. Коробки, пакеты, мрак просто! Ну не консьержку же мне звать?

– погоди, а ты, выходит, сюда тоже перебрался? В Питер?

– А что тебя удивляет? Я купил автосалон, здесь перспектив для бизнеса больше, да и Германия ближе. Так что, могу на тебя рассчитывать?

– Конечно! Приеду, брат. Прихвачу с собой парочку проверенных помощниц по хозяйству – одна из них делает регулярную уборку в моей холостяцкой берлоге. Тетя Лида – это... ммм... Ты оценишь ее, уверен. Жду адрес.

Глава 8.

Марк.

– Лидия Александровна, фронт работы понятен? – спрашиваю, хитро улыбаясь и поглядывая на Пашку.

У него тут черт ногу сломит... Хотя квартира хорошая – свежий ремонт, новый дом недалеко от центра, панорамные окна во всю стену. Ей просто не хватает хозяйской руки. Руки тети Лиды, стоит заметить... Она настоящий спец, хоть и весит центнер.

– Ох, развел ты, Пашка тут... Надо было ничего не делать, а сразу специалистов вызывать.

У нее все Пашки да Сашки. И плевать, что мы – взрослые мужчины, управляющие какими-то там бизнесами.

– Да я думал, что справлюсь. Уборка не мешает. И вещи надо по полочкам разложить, – виновато протягивает Павел, почёсывая затылок.

– Хорошая квартира, Паш. Просторная, да и камин в гостиной – чудо. Сам-то жить будешь или...

– Сам, конечно. Без или. Идем, покажу тебе кухню. Не будем мешать Лидии Александровне, да?

– Идите уже, балбесы. Скоро помощница придет, мы тут все быстренько...

Тетя Лида потряхивает шваброй над головой словно в подтверждение своих слов. Склоняется над коробками и аккуратно вынимает вещи. Сортирует, стирает пыль, что-то бормочет под нос.

– Я суши заказал. С минуты на минуту доставка приедет, – произносит Павел, толкая дверь кухни.

Там тоже просторно и светло. Вдоль стены тянется темно-синий блестящий кухонный гарнитур с навороченной бытовой техникой, а из окна виднеется Нева. Присаживаюсь на стул и отвожу полупрозрачный тюль в сторону. Ледяные глыбы пытаются сковать Неву, но у них ничего не выходит – слишком быстро она течет. Надо же – ведь совсем недавно было тепло, а уже такой мороз... Совсем недавно я был полноправным директором журнала, а теперь в нем есть Таня... И глаза у нее такие же, как у замерзшей Невы – светло-голубые, ледяные, с оттенком стали...

Пашка словно читает мои мысли. Или слышит сорвавшийся с губ вздох, не знаю... Он садится рядом и любитесь видом из окна. Наверное, тоже думает о своем...

– Эх ты, Стрельбицкий... – встает, заслышав звонок в домофон. – Что молчишь, рассказывай. Не получается у вас с Танькой сработаться?

Павел принимает заказ, выуживает из коробки, стоящей на полу, тарелки, вилки, какие-то вазочки, фотографии в рамках... Я бросаюсь ему помогать.

– Марк, оставь, я потом разберу. Мамуля помогала соби-

раться, сам понимаешь... Я бы эти вазы и наши старые фотки никогда и не взял.

А я не могу оставить... Сжимаю напряженными пальцами дурацкую красную рамочку с сердечками и плююсь на фотографию. На ней еще молодой Александр Ларин, мама Павлика – Ирина Stanisлавовна, коричневый лабрадор Боня и... И Маша. Та самая Мари, что пришла в мой дом под видом шлюхи. Улыбается и держит в руках рождественскую свечу. За ее спиной пышная елка, украшенная гирляндами, на голове Бони ярко-красный колпак Деда Мороза.

Все, что я могу – судорожно выдохнуть и вскинуть ладонь. Коснуться шеи, почесать затылок, с силой сдавить виски... Прокашляться, втянуть напряженными ноздрями густой воздух, зажмуриться, а потом вновь, не оставляя мысли, что все это мне почудилось, опустить взгляд на проклятую фотку...

– Танька такая смешная была в детстве, да? – улыбается Пашка, забирая фоторамку из моих рук. – Пухленькая, скромная, не то что сейчас. Заучка, одним словом. Все время дома сидела, книжки читала. В комнате пряталась, пока мы тусили. Помнишь?

Помню ли я? А нихера... Я и не видел ее ни разу... А, может, видел, но воспринимал, как безликое пятно?

Горло сдавливают рвотные позывы. Не понимаю, что происходит? Какая-то херня, не иначе... Я смотрю и смотрю на

нее – улыбающуюся мне с фотографии... Рывком опрокидываю коробку и достаю фотоальбом. Листаю, но ничего не меняется – там Пашка и Маша, то есть Таня...

– Да что с тобой, Марк? Ты белый как полотно, – спрашивает Пашка, отправляя в рот суши. – Ешь давай.

– Прости, брат, мне ехать надо, – выдавливаю хрипло.

Говорить не могу. Объяснить что-либо – тоже... Стою с ее фотографией посередине кухни, наблюдая за Пашкой. Выглядит он сбитым с толку...

– Это личное? Может, тебе такси вызвать? – предлагает он, освобождая проход от коробок. – Марк, дело в Тане? Ты что-то увидел или понял? Ты знаешь – я не люблю недосказанности.

– Паш, это наше дело, брат... Но ничего не поправимого не случилось. Все живы и здоровы, это главное.

– Ну... ладно. Я позвоню тебе позже. Тетю Лиду не обижу, не волнуйся.

– Ага, ее обидишь. Пошел я, пока.

Вылетаю на улицу, мгновенно окунаясь в ледяные объятия декабря. Сажусь в машину и звоню в отдел кадров. Раздобыть адрес Татьяны Александровны – дело нескольких минут.

Машина плывет по окутанной туманом трассе, приближая меня к развязке... Что она, интересно, скажет? Как объяснит свое поведение? Блядь... Как я мог ее не узнать? Видел

же, что они с Машей похожи? Те же губы, огромные глаза раненой лани...

Паркуюсь возле подъезда и поднимаюсь по ступенькам к тяжелой металлической двери. Медлю. Так и не решаюсь нажать на кнопку – жду, когда из парадной кто-нибудь выйдет.

Через пять минут оттуда высыпает компания молодых ребят. Пользуясь их замешательством, проскальзываю внутрь и лечу на десятый этаж.

Замираю возле обитой коричневым кожаном двери. Однако, усилием воли заставляю себя тихонько постучаться.

Дверь тотчас открывается, а моему взору является... единорог. Вернее, девчушка в плюшевой пижаме единорога. Она крутит в руках фиолетовый хвост с большим розовым помпоном на конце и протягивает деловито:

– А вы к маме? Кхе-хке...

– А твоя моя Таня?

– Нет, не Таня, – бойко отвечает девочка.

Фух... Ну слава богу!

– Моя мамуя Татьяна Алисанловна, – выпаливает она.

Глава 9.

Марк.

Сердце грохочет в груди так сильно, будто хочет из меня выскочить. Или словно ему мало места в клетке ребер. У Таньки есть дочка. С янтарно-кариими глазами и рыжевато-русыми волосами. Улыбающаяся, красивая, как с картинки журнала. Моя... А чья она еще может быть?

Подозрение сворачивается в душе, как склизкая змея. Я оглядываю просторную прихожую и сажусь на коленки. Трогаю лицо малышки, пытаюсь оценить наше сходство. А потом не выдерживаю и дергаю молнию на ее пижаме. Родимое пятно на животе, ну конечно! Такое, как у меня. Она моя, блядь! Моя! Почему, за что? Почему, почему?

– Как тебя маленькая, зовут? – выдыхаю хрипло.

Не хочу пугать дочку, но эмоции едва держу. Дышу сквозь сжатые зубы, разглядываю ее, трогаю тонкие золотистые волосики, заплетенные в косички. Почему она так со мной? За что?

– Уя. Уяноська.

– Ульяна, значит?

– Марк? Кхе-кхе. Что ты здесь делаешь? И что происходит?

Танька незаметно вырастает в проеме спальни. По всей видимости, она спала. И заболела... На ее тонкой шейке – компресс, волосы всклокоченные, лицо красное, как после бани. И одета она в такую же плюшевую пижаму, как дочка.

– Мамуя, к тебя гости, – важно протягивает девочка. Подбегает к ней и обнимает за колени.

Я так и стою у входа... Смотрю на открывшуюся картинку тупым, остекленевшим взором... Две единорожки в сиреневых пижамах. Протяни руку и коснись... Танька прижимает малышку к бедру, смотря на меня испуганным взглядом. Словно подчеркивает глубину пропасти между нами. Да, я чужой. Никто. Пустое место настолько, что она не удосужилась сообщить о ребенке.

– Дядя Марк скоро уходит, – сипло протягивает Таня. – Иди, зайчик, включи мультик про свинку Пеппу.

– Пока, – кричит девчонка, широко улыбаясь мне.

– Пока, Ульяночка, – медленно, почти по слогам произношу я. – А ни хрена я не уйду, пока не услышу твоих объяснений, Таня. Или Маша – как тебе больше нравится?

Подхожу ближе и нависаю над ней. Поднимаю ладонь и слегка сжимаю пальцы вокруг ее тонкой шейки, закрытой бинтами. Не понимаю, чего хочу больше – сломать ее или приласкать?

– Узнал, все-таки, Стрельбицкий? – хрипло произносит Татьяна, вырываясь из захвата. – Интересно, что освежило твою память и...

– Неважно. Просто объясни, зачем? И эта девочка, она...

– Она моя девочка, к тебе отношения не имеет, ясно?

– Ах, не имеет? То есть ты прикинулась шлюхой и пришла в мой дом, чтобы залететь? Тогда почему не шантажировала? Обычно такие прожженные девицы...

– А я не была тогда прожженной девицей, Марк, тебе ли не знать? – краснеет Танька. Губы же у нее остаются бледными.

– Зачем ты тогда пришла ко мне? Не понимаю, Тань, объясни, – сдуваюсь я.

– Уже неважно, Марк. Прости за ложь, я не должна была тебя использовать, – надтреснуто шепчет она. Обнимает себя за плечи и забивается в угол маленькой, но уютной кухни.

– Да я тоже в некотором роде... хм... тебя использовал. Почему ты не сказала про дочь? За что? Неужели, я настолько плох, что недостойн о ней знать? За что, Тань? Почему ты меня так наказала?

– Мы не вписываемся в твой образ жизни, Марк. Вот и все. И не говори мне, что ты воспылал к Ульяне любовью. Тебе не нужны дети. Тебе никто не нужен, никто...

Таня отворачивается к окну и дергает занавеску. Приваливается к подоконнику и смотрит на мигающий предновогодними огнями город. Она какого-то черта решила, что я бы отказался. Не принял ответственности, сбежал, отмахнулся...

– Ты права, не воспылал. Но от ответственности не отказался бы.

Мы так и стоим в темноте. Из гостиной льется свет, как и звуки мультика из телевизора.

– У меня достаточно обеспеченный отец, чтобы помочь мне. И семья хорошая, и...

– Зачем ты тогда пришла ко мне? Отвечай. Я не уйду, пока не услышу ответа.

Дергаю веревку настенного светильника. Хочу видеть ее глаза – огромные и испуганные... Разворачиваю Таньку к себе, легко сжимаю ее сникшие плечи и повторяю вопрос:

– Зачем ты тогда пришла? Некому было подарить свою девственность? Или хотела... дай угадаю... продать ее подороже?

– Уходи, Стрельбицкий, – хрипло шепчет она. – Тебе все равно не понять и...

– Не уйду, Тань. Попробуй объяснить. Я вроде бы не тупой, как никак с высшим образованием. И книги читаю. Ты уж постарайся. Я жду.

– Да, я хотела продать ее подороже, – выдыхает она. – Такой ответ тебя устроит? Но решила сделать это с кем-то более менее молодым и симпатичным. Подслушала Пашкин разговор, ну и...

– Значит, все так просто? И что сейчас, Тань? Что нам сейчас делать? Ты ведь не думала молчать о дочери всю жизнь? Или...

Она поднимает глаза, а я читаю в них ответ – думала... Не собиралась впускать меня в свою жизнь.

– Чего ты хочешь, Стрельбицкий? Что мне сделать, чтобы ты навсегда отвалил от меня? – устало произносит она. Дергает марлю с шеи и выбрасывает компресс в урну.

– Хочу участвовать в жизни дочери.

– Ты прямо уверен, что она твоя?

– Да, я видел родимое пятно у нее на животе, у меня такое же.

– Че-ерт... Что мне сделать, чтобы купить свободу от тебя? Я и так... Наверное, я оставлю журнал и уеду домой, – обреченно бормочет Танька. Трет свои плечи и ежится.

Может, ей холодно? Мне, напротив, так жарко, что темнеет в глазах. А с губ против воли срывается безумие:

– Свободу можно купить, да. Натурой. Маше, вроде, все нравилось. Как ты смотришь на то, чтобы повторить?

– Ни за что, Марк, – фыркает Танька.

– В таком случае я добьюсь права опеки над дочерью, Таня. Через суд. Сделаю ДНК-тест, и... Никуда ты ее не увезешь без моего согласия.

– Ненавижу тебя, Стрельбицкий. Всей душой... Знал бы ты...

– В ближайшее время займись оформлением документов. Уля будет носить мою фамилию и отчество.

– Мерзавец!

–... составим график общения со мной. Возможно, совместного проживания в моей квартире, я еще не решил, – продолжаю хладнокровно, наблюдая за выпученными от

ярости глазами Тани.

– Козел! Мудак!

– Полегче, Танюша. Я перееду поближе к вам, буду водить Улю в бассейн и...

– Хорошо, твоя взяла. Я согласна, – беспомощно выдыхает она.

– На что согласна, проясни?

– Побывать Машей. Сколько тебе нужно времени? Тебе же девушки быстро надоедают?

– Вообще-то, да, быстро. Приедешь ко мне на выходные. Для начала... Тебе есть с кем оставить дочку?

– Да, бабушка ее нянчит. Она, кстати, скоро придет. Поэтому тебе лучше свалить до ее прихода. Я поняла, приеду на выходные, а потом?

– Позже скажу, что будет потом. Я еще не придумал.

– Козел!

– Уже было. Адрес скину в сообщении.

Выхожу из кухни. Ноги сами собой ведут меня в гостиную, где на большом розовом диване сидит моя дочь. Моя... Моя, блядь. Из крови и плоти. Настоящий живой ребёнок.

– Пока, малышка. Что тебе купить в следующий раз? Какие ты игрушки любишь?

– Балби, Киси Миси, Хаги Ваги.

– Что? Это что такое? Ладно, разберусь.

– Пока, – она спускается с дивана, подходит ближе и обнимает меня за колени...

Глава 10.

Татьяна.

Марк прощается с Ульянкой, неловко треплет ее по щеке и уходит. Тихонько прикрывает дверь, но я все равно вздрагиваю. Так, словно он ее с размаху толкнул. Кажется, сейчас любой шорох, как прикосновение к оголенным нервам... Голос, касание и даже воздух, струящийся сквозь оконную щель... Тру плечи, привалившись к подоконнику. Стою, как истукан, боясь пошевелиться. Дышу так часто, словно мне не хватает воздуха... Дрожу, жмурюсь, пытаюсь прогнать предательские слезы... Все это обваливается на меня ощутимой тяжестью... Все это дерьмо, которого я совсем не ожидала. Сейчас не ожидала...

– Мамуя, а он такой доблый, этот дядя. Он мне купит новые иглуки, – кричит Улька, вихрем ворвавшись в кухню.

Мгновенно стряхиваю оцепенение и опускаюсь на колени. Обнимаю дочку, глажу по нежным щечкам, трогаю волосы. Никому ее не отдам. Пусть только посмеет тронуть моего ребенка!

– Родная моя, куколка. Ты только мамина дочка, да?

Слезы ползут по щекам, как ядовитые змеи. Обжигают кожу, а, кажется, душу... Что мне теперь делать? Марк не от-

ступится. Поиграет со мной, а потом переключится на Улю. Он точно ее отберет, я чувствую!

– Мамуя, а почему ты плачешь?

– Улечка моя...

Слышу, как клацает дверь. Бабулечка пришла. Черт... Что ей теперь говорить?

Спешно вытираю слезы и поднимаюсь. Придумаю что-нибудь.

Однако, в квартиру бабуля входит не одна...

– Таня, с тобой все в порядке? – спрашивает Пашка.

Он-то здесь откуда? Говорил ведь, что планирует весной переехать, так сейчас же зима?

– А ты... откуда здесь?

– Танька, да объясни мне, что происходит? Это Стрельбицкий? Он был у тебя? Что у вас стряслось?

– Да! Говори бабушке, что случилось? – бабуля упирает руки в бока и хмурится.

– Ба, иди почитай Уле сказку, – спасает меня Павел. – Я Танечку сам успокою, ладно? Не волнуйся, хорошо?

– Да ну вас! Одна живет, как монашка, никого к себе не подпускает, другой со всякими шалавами встречается. Что за дети такие? – укоризненно протягивает бабуля. Берет Ульку за ладошку и уводит в комнату.

Мы остаемся одни. Павел смотрит на меня, не решаясь первому начать разговор. И я молчу... Господи, неужели

сейчас придется во всем признаться? Ни за что!

– Танька, рассказывай. Я видел его Порше, выезжающий со двора. Так что ты не отвертишься, – вздыхает брат и садится за стол.

– А ты почему приехал? Откуда узнал про Марка и...

– Он приехал в гости. Помогал готовить квартиру к приему гостей. А потом увидел твою старую фотографию и сорвался с места. Мол, мне ехать надо. Танька, что у вас происходит, скажи?

– Павличек, какую квартиру? – пытаюсь перевести тему я.

– Я квартиру купил. Хотел убраться и вас в гости позвать. Черт дернул меня позвонить Марку. Танька, я не отстану. Говори.

Какой же он у меня красивый... Серьезный, молчаливый, умный. Сдержанный, воспитанный. Самый лучший брат на свете. Разве я могу его сейчас ранить?

– Мы... встречаемся. Я еду с Марком на выходные за город.

– Танька, хитрюга, говори. Почему Марка так удивила твоя фотография? Ты бы видела его... Он... Он побелел, Тань. У него руки дрожали, губы... Не помню я Стрельбицкого таким ошеломленным. Постой, а... А Ульяна, она... Черт!

Пашка с силой зарывается пальцами в густые русые волосы. Вскрикивает с места, расхаживает по кухне, словно зверь в клетке.

– Танька, как я мог не видеть столько лет? Глаза же точно у нее, как у Марка. Он что, не знал, с кем спал?

– Господи, Пашенька, да мне и рассказывать ничего не нужно. Видишь, ты сам...

– Я убью Стрельбицкого! – шумит Пашка. – Или... Погоди, Танька, ты же... Ну-ка, рассказывай все.

– А ты меня не сдашь папе? И маме... Пожалуйста, – скулью, складывая ладони в молитвенном жесте. – Это мое решение! Я сама не хотела вешать на Марка ребенка.

– Тань, он не был с тобой груб? Если он посмел хоть пальцем...

– Нет, ты что. Он... Пашка, я ведь была влюблена в Марка, как кошка. Подглядывала за ним, пока вы кино смотрели, валяясь на полу. А потом разговор твой подслушала про... Про подарок в виде невинной девушки.

– О боже... – бледнеет брат. – Танюшка, я знаю, какой Марк. Неужели, он ничего не заподозрил?

– Ну вы же купили девственницу? – раздраженно отвечаю я. – Павличек, не заставляй меня краснеть. И пообещай, что ничего не скажешь родителям.

– А как теперь молчать? Марк как отнесся к Уле? Что вы вообще решили?

– Он хочет... Он... – чувствую, как щеки начинают пульсировать. Опускаю взгляд, не в силах выдавить из себя объяснение.

– Тебя, сеструха? – хитро улыбается Пашка. – Значит,

Стрельбицкий запал не на шутку. Может, все у вас сложится? Ладно, я пока помолчу. Понаблюдаю за вами. За город, значит, позвал?

Павлик важно постукивает пальцами по столешнице, а я обреченно киваю.

– Да. Сказал, что... Я боюсь, что он отнимет у меня Улю. Вот и согласилась. Он говорил что-то... Про походы в кино и бассейн.

– Танька, а ты-то как? – чуть тише произносит Павел. Поглядывает в сторону двери – за ней мелькает тень бабули. – Любишь его? Сама-то хочешь попробовать?

– Я ему не верю, Паш. Марк не привык к отношениям. Эскорт – вот его формат, уж тебе-то не знать? Я и поехать согласилась в надежде, что быстро ему надоем. Он поиграется и отвалит от нас.

– А мне бы не хотелось этого... Но раз ты так настроена...

Павлик сдавливая переносицу и замолкает. Берет мою ладошку в свою большую руку и нежно поглаживает – как в детстве... А мне плакать хочется от жалости к себе...

– Танюшка моя... Еще бегать за тобой будет Стрельбицкий. Ну, иди ко мне, – прижимает меня к груди. – Эскорт ему подавай. Я ему дам... такой эскорт. Будет на пару с Боней ходить мимо дамочек и смотреть на них равнодушным взглядом.

Я всхлипываю и все равно улыбаюсь – Бонька-то наш кастрированный.

– Погоди, Павлик, кажется, сообщение.

Вынимаю из кармана вибрирующий телефон. Стрельбицкий – явился не запыхался.

«Таня, мы едем в Карелию. Возьми теплую одежду и курпальник».

И ссылка на загородный отель... Прекрасный, неприлично дорогой отель...

Щеки наливаются багровым румянцем, когда я представляю, что Марк будет со мной там делать...

Глава 11.

Татьяна.

Дни летят предательски быстро... Не успеваю оглянуться, наступает четверг. Стрельбицкий ведет себя как ни в чем не бывало. Обсуждает рабочие вопросы, флиртует с сотрудницами, ходит по коридорам, распространяя свой сбивающий с ног аромат. Господи, завтра пятница! Уже пятница, а я совсем не готова.

И готова... От одной мысли про совместный отпуск живот наполняется сладкой тяжестью, в глазах темнеет, а дыхание сбивается. Глупо отрицать, что меня не тянет к Марку... Он как бездна – наглая, улыбающаяся, с янтарными глазами. В его взгляде вязнешь, как в сладкой патоке...

И я ему завидую... Наверное, так жить легче? Забывать о человеке, вычеркивать его из своей жизни, стирать из памяти, как пыль... Я так не могу... Он не догадывается даже, что никого после него у меня не было. Я так и не смогла позволить другому мужчине прикоснуться ко мне...

– Татьяна Александровна, ты хотела поговорить? – в кабинет врывается Ива, заставляя меня вздрогнуть.

– Меня не будет в выходные, – произношу упавшим голосом. – Нам что-то нужно срочно сдать?

– Нет, поезжайте спокойно, – улыбается она хитро.

– А с чего ты решила... Ива, по офису ходят сплетни?

Признавайся.

– Нет, с чего вы взяли? Просто... Я случайно заметила открытую вкладку на вашем ноутбуке. Там были картинки отеля. Извините... Я рада, что вы развеетесь.

– Спасибо. Тогда можешь идти. Я буду на связи.

– Да вы не переживайте, отдыхайте спокойно. У нас же Марк Викторович есть! Если сложится экстренная ситуация, попросим его разрулить.

Я заливаюсь краской до корней волос. Отворачиваюсь, делая вид, что не расслышала ее реплику.

– Спасибо, Ива. Ты очень предусмотрительна. Уверена, Марк Викторович справится.

Ага, справится он... Если только со мной. Мне еще столько всего предстоит сделать!

Ухожу с работы на полчаса раньше. У меня нет купальника, да и теплой красивой одежды немного. А еще нужен педикюр и депиляция. И расслабляющий массаж, желательно. Как все успеть? Бабуля и так ворчит, сетуя, что я много времени провожу на работе. А как иначе? Мне нельзя ударить в грязь лицом. Скоро я утру Марку нос – выгодной сделкой с китайцами. Тогда и посмотрим, кому следует уйти?

Домой заявляюсь поздно. Ульянка давно спит, а бабулечка вяжет, сидя перед телевизором.

– Пришла, Танюшка? Слышу, пакеты шуршат. К поездке

готовишься, детка?

– Да, ба. Вещи купила, сапожки теплые. И вам с Улечкой подарки. Пряжу тебе новую на свитер.

– Ты ж моя бедовая, – обнимает она меня. – Любишь его, окаянного? Вижу, как маешься. Как приехали мы сюда, лица на тебе нет, Танюшка...

– А ты знала все, бабуль? – округляю глаза.

– Знала, внучка. Дневник твой ненароком увидела. А там на каждой странице – Марк, Марк... Странно, что мать раньше меня не нашла его. И эти, как их... Фотографии его и вещица какая-то. Наверное, он обронил, когда у нас бывал, а ты подобрала?

– Да, так и было, – прячу взгляд, вспоминая, как украла шарф Марка из комнаты Павлика, оставленный им случайно. И его футболку, а потом чехол от телефона...

Дура... Какая же я наивная дура... Эти вещи и сейчас хранятся в шкафу моего туалетного столика.

– Ну ничего, съездите, отдохните. Танька, а ты волосы по-выдёргивала? – заговорщицки шепчет бабуля.

– Ну ба!

– Ногти покрасила?

– Все сделала. И массаж. Спать хочу, но и с тобой поболтать тоже. Может, чаю?

Утром я спешно собираю сумки, бросаю их в багажник своей машинки. Марк коротко сообщил, что в Карелию мы

выезжаем из офиса. Как раз приедем на место к вечеру.

«— Успеем поплавать в горячем бассейне с минеральной водой. Как тебе идея?», – спросил она меня.

Как, как? Ужасно. У меня от предвкушения сохнет во рту и дрожит подбородок. Это не Стрельбицкий, это... Ходячее искушение.

Работаю спустя рукава. Не могу сосредоточиться на статьях о моде, представленных Линой, отрывках популярного бестселлера молодого автора Лоры Брикман, которые рекламирует наш журнал.

– Татьяна Александровна, пообедаем вместе? – вырывает меня из задумчивости Марк.

Свежий, отдохнувший, улыбающийся – похоже, он не испытывает ни капли волнения.

– Пожалуй, соглашусь.

– Отлично. Давай через час? Заканчивай дела, пиши поручения Иве. После обеда заедем в одно место и отправимся в путь.

– В какое место, Стрельбицкий? Не пугай меня... Или ты хочешь сразу... Чтобы я сразу... Взять меня еще до приезда в отель? – тараторю я, заливаясь краской.

– Судя по твоему виду, этого, скорее хочешь ты, – хрипло шепчет Марк, подойдя ближе. – А мне в жизни нужен не только секс.

– Не обольщайся, Стрельбицкий. Тебе кажется...

Боже, как пульсируют щеки! И дыхание вырывается из груди, как пар из чайника.

– Не бойся, Танька. Я ничего не стану делать без твоего на то согласия.

– А если я вообще не соглашусь?

– Еще просить меня будешь, Ларина. Умолять, чтобы я не останавливался. Никто еще ни разу мне не отказывал.

– И не подумаю, Стрельбицкий, – пищу как мышь. – Я буду первой, кто откажет.

Голос звучит неуверенно. Дрожит, как провода на ветру... Да и видок у меня соответствующий – растрепанная, с красными щеками и пересохшими губами. Наверняка Марк думает, что может и сейчас разложить меня на письменном столе? Уверен в этом.

– Скоро проверю, – обольстительно протягивает он. – Встречаемся через час на парковке. Не забыла вещи?

– Нет, в багажнике. Не вздумай болтать о нашем совместном уикенде.

– И в мыслях не было.

Глава 12.

Татьяна.

Двести километров... Как я выдержу, господи? Что мы будем, интересно, делать? О чем говорить? Ладно... Мне нужно успокоиться и больше не выпаливать глупости. Да и себя привести в порядок – напустить на лицо образ ледяной королевы. Не то Стрельбицкий продолжит намекать на мою озабоченность...

Я даже дыхательную гимнастику делаю, не поверите... Ищу в интернете каналы, где учат медитации. Глубоко вдыхаю, представляю спокойное синее море, а потом медленно выдыхаю... Остается только пропеть «оммммм», но на этом моменте мне видится наглая рожа Стрельбицкого. Скорее бы прошел этот час...

Я спускаюсь в парковку на пять минут раньше условленного времени. Копаюсь в багажнике, а потом замечаю идущего к машине Марка.

– Много вещей, Тань? И ты рассчитываешь все их надевать? Хм... Я думал, что большую часть времени мы проведем без одежды.

Ну вот опять эти намеки! И снова я густо краснею, мгновенно

венно растеряв самообладание. И маска ледяной леди слетает с меня, словно ее и не было.

– Я была уверена, что ты все предусмотритишь, Стрельбицкий. Развлекательную программу, отдых, спа-процедуры, – с нескрываемым сарказмом произношу я. – Но я снова ошиблась... Видимо, для тебя существует лишь одно развлечение.

Марк улыбается. Похоже, мое красноречие его только забавляет. Он укладывает наши вещи и распахивает переднюю пассажирскую дверь.

– Заедем в одно место, это быстренько.

– Ты хотя бы скажешь куда?

– Скоро все увидишь. Чем будем заниматься во время пути?

Опять он меня провоцирует...

– Ты можешь рассказать мне что-нибудь о себе. Вдруг я не знаю чего-то важного? Или в интернете исчерпывающая информация?

– О! Мне льстит, что ты рылась в интернете, пытаюсь что-либо обо мне узнать, – бросает Марк, поддавая газу. – И что пишут? Самому интересно.

– Ну... Тебя считают завидным женихом, во-первых... Уж не знаю, кому придет в голову завидовать твоей избраннице. Я бы искреннее ее пожалела. Во-вторых, ты ловелас, сердцеед, циник... В сети никогда не писали о твоих приязнанностях, увлечениях. Предположу, что их нет. Ты пустой, Марк... Одна оболочка – красивая, не спору, наглая,

но внутри... Ни одной девушки за столько времени! А тебе уже... Напомнишь сколько?

– Плохо подготовилась, Танюш. Ты должна помнить возраст отца своей дочери. Это важная информация. Как и группа крови, резус-фактор... Хотя... Прости, ты выбрала меня из-за смазливой внешности. Оболочки, как ты выразилась. Все остальное не имеет значения. Как бык-осеменитель я состоялся на все сто.

Замолкаю, остро чувствуя обиду Марка. Мои слова его задела. Но разве я не права? Сказала как есть. Разве он другой? Конечно, нет! Иначе, в сеть хоть что-то просочилось бы. Тогда почему мне так не по себе? Словно я его несправедливо оговорила.

Замолкаю, притворяясь, что редактирую статью. Марк молча ведет машину, сделав радио погромче. И едет он, к моему удивлению, не в сторону выезда из города, а в центр. Асфальтированная дорога заканчивается, сменяясь гравийкой. Справа темнеют обшарпанные гаражи и хозяйственные постройки. Не понимаю, куда Стрельбицкий меня завез? Хочет свернуть мне шею и закопать?

Прищуриваюсь, разглядывая окрестности. Среди заснеженных лап высоких елей замечаю вывеску – «Лучший друг» – приют для бездомных животных.

– Идем, Тань.

Сначала оленья ферма, теперь приют... Наверное, Марк

таким способом замаливает грехи?

– Держи одноразовый халат, – он протягивает мне сверток.

– А это еще зачем?

– Животные могут тебя испачкать.

Киваю и выполняю его пожелание. Следую за ним, цепляя взглядом аккуратные ряды новых деревянных бudoк, сложенные в поддонах мешки с кормом, лопаты, сетки, ведра... Здесь кипит бурная деятельность. Интересно, какое ко всему этому имеет отношение Марк?

– Марк Викторович, слава богу!

В тесную прихожую высыпают женщины. Одна из них – полная, невысокая, в грязном фартуке, держит в руках крошечного щенка. Другая – шатенка в очках, ведет на коротком поводке огромного лохматого пса.

– Как там Бобик? – спрашивает Марк. – Температура поднимается? Таня, в понедельник я привезу к тебе Бобика и Тимку, они поживут у вас месяцок.

– Что? А я... – задыхаюсь от неожиданности. – А почему бы тебе не взять их к себе?

– У Марка Викторовича сейчас трое на передержке, – с осуждением в голосе произносит шатенка.

– Я не понимаю...

Ну, наконец-то он отыгрался... Смотрит на мою беспомощность с нескрываемым наслаждением. Или... нет?

– Марк, что происходит? – спрашиваю я. – Что с этими собаками и...

– Это еще одно мое дело, – спокойно произносит Марк. – Не бизнес, а расходы. Я содержу этот приют, Тань.

– Марк Викторович – наше счастье, – всплакнув, отвечает полненькая. – Сюда столько животных привозят! Раненых, больных, избитых. Кстати, Бобик – это не собака.

– А кто это?

– Медведь. Его мать застрелили охотники, мальчишки катались на лыжах в лесу, подобрали малыша и принесли. Анна Эдуардовна его прооперировала, – кивает Марк в сторону шатенки. – Так ты берешь его? Я бы и сам взял, но у меня сейчас Мурка и Стрелка гостят. Я нашел им хозяев, их заберут в конце месяца.

В словах Стрельбицкого ни капли издевки. Он забирает бурый комочек из рук полной женщины и прижимает к груди.

А я стою с открытым ртом, чувствуя, как душу посасывает совесть. Совсем недавно я его обозвала пустым и бесчувственным. Повелась на глупые желтые статейки в интернете. Но почему Марк не оправдался? Он ведь мог рассказать о себе и развеять мое противоречивое о нем мнение?

– А этого малыша облили битумом, Тань, – он показывает на клетку с милым песиком. На его голой, изъеденной язвами коже проступает редкая шерстка.

Сглатываю и прячу взгляд, не в силах и слова выдать.

Я ошеломлена, раздавлена человеческой жёсткостью, с которой так близко столкнулась.

– А с этой малышки пытались живьем содрать кожу, – Марк жестом указывает на черного кота. – Но подонков спугнули, они успели только лишить его задней ноги, – продолжает Марк, проводя мне экскурсию. – Буся жил у меня месяц, пока выздоравливал.

– А вот здоровые малыши, их перестала кормить мама. Ну или... погибла, не справившись с жизнью на улице. Ты не будешь против, если я приведу сюда Ульяну?

Мои плечи дрожат, я не могу смотреть на них... И никогда не была в таком месте.

– Тань, ты не ответила, – Марк разворачивает меня, легко сжимая плечи.

– Я... Я не знаю, Марк. Наверное, не против, – хрипло выдыхаю я и пулей вылетаю на улицу...

Глава 13.

Марк.

Я совсем не хотел предстать перед Танькой хорошеньким. Вовсе нет. Скорее, надеялся, что она увидит меня настоящим. Ту мою сторону, которую я отчего-то скрываю. Прячу ото всех, как нечто интимное или постыдное. Секрет, о каком не болтают с посторонними.

Одного я не предусмотрел... Таня – девушка из богатой и влиятельной семьи. Наверняка, ее нежную психику оберегали от потрясений. Все, что она видела – придуманная жизнь без боли, голода и страданий, жестокости и предательств. Это для меня – оторванные лапы или сожженная до мяса кожа животного стали обыденностью – отрезвляющей и жестокой, а для нее...

Наблюдаю за Таней сквозь тусклое стекло тесной прихожей. Ее тонкие ладошки нервно ерзают по дрожащим плечам. Неужели, плачет? Я совсем не думал, что она отреагирует так... Так ошеломляюще искренне, честно, что у меня сносит крышу от внезапно поселившихся в сердце чувств. Танька – человечие... Не пустая и бесчувственная мажорка, не знающая жизни, а – нежная и ранимая...

– Марк Викторович, а кто эта девушка? – произносит Ан-

на Эдуардовна, мягко касаясь моего локтя. – Расстроилась...

– Анна Эдуардовна, Женька... Вы зачем меня вызвали? Я в отпуск, вообще-то, еду. И я не хотел, чтобы Таня... Тяжело это все для нее.

– Маричек Викторович, – скулит Женька, прижимая медвежонка к груди. – Да мы не специально. Хозяин помещения задумал его продавать. Землю покупает застройщик. Скоро здесь все снесут и построят новый жилой комплекс. Такие вот дела. Он уже и предоплату взял, и предварительный договор подписал. Да все так быстро! Никто и не подозревал, что так можно.

– То есть нам надо искать новое помещение? Когда животных нужно вывозить?

– Хозяин месяц дает на выезд. А куда мы и-и-их... – всхлипывает Женька. – Бобик только кушать начал как следует.

– В Питере найдется помещение, я уверен. Я поеду, ладно? – произношу мягко, вынимая из бумажника купюры. – Пока спокойно живите. Никто вас отсюда не выселит, аренда оплачена. Если что, я на связи.

Стягиваю халат и сую его в мусорку. Выхожу на улицу, чувствуя, как мороз мгновенно прилипает к щекам. Снег скрипит под ногами, когда я подхожу к Тане. Обнимаю ее за плечи и разворачиваю к себе.

– Стрельбицкий, ты чудовище, – всхлипывает она. – Зачем? Просто скажи... Ты хотел выставить себя хорошень-

ким? Весь из себя... такой...

Ах, вот как? Так она все восприняла? Я вдыхаю обжигающе-ледяной воздух, чувствуя, как болят легкие. Даже ответить нет сил... Танька такая, как все. Она верит желтым статейкам больше, чем мне. И больше, чем живым людям, работающим на меня... Ну, ладно... Похоже, наши отношения закончатся в воскресенье... А до воскресенья я буду ее просто трахать. Как любую другую, купленную у сутенерши девицу...

— Да, Таня. Я совершил неудачную попытку показаться хорошеньким. Поедем, а то скоро стемнеет.

Не понимаю, почему меня так коробит ее непонимание? Я ведь хотел показать, как ей доверяю. Ну ладно, медвежонка бы Таньке никто не доверил, но Бусю? Его-то она могла приютить? Хотя бы на время?

Мы едем в молчании. Сначала Таня говорит по телефону с дочерью и коллегами, потом звонит бабуле и отцу... А следом засыпает, оставляя меня наедине с мыслями и любопытно заглядывающими в окна звездами.

Ее ресницы подрагивают, а губы влажно поблескивают в тусклом свете придорожных фонарей... Грудная клетка вздымается, а частое дыхание нарушает повисшую тишину. Спи, Танечка. Ночью тебе придется поработать. Раз уж я развращенный циник, тебя это не удивит.

Танька просыпается, когда я въезжаю в город. Сладко по-

тягивается и окидывает меня виноватым взглядом.

– Я сто лет так не спала, – шепчет, пряча взгляд. – Спасибо, что не растормошил.

– Я преследовал только низменные цели, Ларина. Ночью ты мне нужна бодрая и игривая. Так что...

– И почему я не увидена? – фыркает она. – Только не забудь о своем обещании.

Оставить их с дочкой в покое, помню... Стискиваю челюсти так сильно, что ноют зубы. Молчу, не удостоив ее ответа.

Таня восхищенно открывает рот, разглядывая окрестности. В нашем распоряжении оказывается коттедж из сруба, отдельный дворик, засаженный хвойными растениями и бассейн с горячей минеральной водой под открытым небом.

– Ой, а в нем можно купаться? Снег же идет?

– Можно, – деловито отвечает администратор. – И даже нужно. Попробуйте и сами убедитесь. Вода очень горячая. Вы точно не замерзнете.

– Да, Танька. Переодевайся и дуй в купель. Если замерзнешь, я тебя согрею. Спасибо, девушка.

Выпроваживаю работницу отеля и заносу в дом наши сумки. Не понимаю, почему так злюсь? Что я ожидал от нашей поездки? От Таньки что хотел? Понимания и любви?

Заказываю по телефону ужин и бреду в душ. Слышу, как в соседней комнате шумит вода, а потом в дверном проеме появляется Танька, укутанная в большой банный халат. Под-

нимает на меня взгляд и тотчас краснеет, как рак.

– Ты готова?

– Да, идем. Я проголодалась, Марк, – добавляет, чуть помедлив.

– Надеюсь, ты не об ужине? – подхожу ближе, чувствуя, как шею опалает ее прерывистое дыхание.

Зря я смотрю ей в глаза... Там такая темнота – манящая, как эта дышащая паром купель... Шагни в нее и утонешь.

– О нем, Стрельбицкий, – сглатывает она. Облизывает губы и часто дышит. Неужели, хочет, как хотела Мари из эскорта?

– Заказал. Идем, Таня. До ужина успеем поплавать.

Танька семенит за мной следом. Неуверенно сбрасывает с плеч халат, демонстрируя стройное, подтянутое тело. Мда... От аппетитной Маши не осталось и следа. Таня взмахивает кистью, а я замечаю темнеющий на ее ногтях лак. Готовилась, значит? Она опасливо тянет аккуратную ступню и касается пальчиками кромки воды. А потом, удостоверившись, что вода вправду горячая, погружается в купель.

– Здесь классно, – улыбается она. – Спасибо тебе... Я здесь впервые. А культурная программа будет? А экскурсия? – тараторит она, вжимаясь в каменный бортик.

Я медленно гребу, подбираясь к ней ближе. Вдыхаю металлический аромат воды, елей и дыма, струящего со стороны мангала. Крадусь лапами и впиваюсь в Танькины бедра.

– Ай! Марк, не надо...

– Поймал, – шепчу удовлетворенно. – Культурная программа стоит перед тобой, Тань. Наслаждайся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.